Смирнова Зоя Павловна

«Вахту» я несла на крыше, в окне нашего дома, когда подпольщики собирались у нас

Я родилась 1 февраля 1934 года в селе Урень, Горьковской области, православная. С 1944 г. член Всесоюзной пионерской организации, с 1947 г. – член ВЛКСМ.

В марте 1940 г. вместе с семьёй переехала в г. Брест, куда на работу Наркоматом связи СССР был направлен отец. В сентябре 1941 г. должна была пойти в 1-й класс. Здесь 22 июня 1941 г. в 4 часа утра и застала нас война.

О Победе узнала в том же городе, в том же доме, из окон которого 22 июня 1941 г. увидала кроваво-огненное зарево над Брестской крепостью. Рядом, как и в тот страшный день, были мама с папой.

В 1952 г. с «Золотой медалью» окончила школу, в 1958 г. – Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе, работала инженером на КБ «Энергомаш», на комсомольской, партийной и профсоюзной работе. С 1986 г. на пенсии по инвалидности.

В 1995 году получила почётное звание «Участник Великой Отечественной войны». Боевых наград не имею. Награждена юбилейными медалями в честь 50-ти, 60-ти летия Победы и 100-летия со дня рождения Жукова.

После войны остались живы мама - Смирнова Татьяна Николаевна, папа- Смирнов Павел Павлович, сестра мамы - Пономарёва (Калиберова) Мария Николаевна и бабушка - Пономарёва Александра Дмитриевна. Во время войны они работали в подполье и были в партизанах. Все, кроме бабушки, награждены медалями «За победу над Германией», «За доблестный труд в период ВОВ 1941-45 гг.». Мама награждена медалью «За отвагу» польским «Партизанским крестом». У папы и тёти – медали «За боевые заслуги».

Во время войны погиб брат папы - Смирнов Виктор Павлович; без вести пропал на Ленинградском фронте брат мамы - Пономарёв Алексей Николаевич, работавший политруком. Найти его до сих пор не могу. Его имя среди других увековечено на памятной стене в г. Урень.

Имею публикации.

1. Книга «Подполье непокорённого города» (в дальнейшем используется сокращенно – ПНГ. Авторы Смирнова Татьяна Николаевна и Смирнова Зоя Павловна. Я сочла необходимым указать авторство мамы, хотя она уже умерла в 1989 году, т.к. 1-я часть книги - это немного доработанные мною её воспоминания, которые она так хотела напечатать; 280 стр. с иллюстрациями; отпечатана в типографии газеты «Уренские вести» (г. Урень, Нижегородской обл.). В феврале 2004 г.. 500 экз.. Автор, редактор и корректор – в одном лице. Издана книга на свои средства ради Памяти. Стараюсь сделать всё, чтобы книга нашла своего читателя. Подарены 250 экз. г. Бресту в день 60-летия освобождения города от немецко-фашистских захватчиков; около 100 экз. розданы и разосланы детям, родным и знакомым подпольщиков (тем, кого удалось разыскать; по одному экземпляру книги передано в Центральный музей Великой Отечественной войны на Поклонной горе, в Центральный музей ВОВ в г. Минске, в Мемориал «Брестская крепость-герой», в Брестский областной краеведческий музей, во все школы и библиотеки Бреста и города Химки.

2. Брошюра «Не понаслышке знаю о войне» (2-я глава книги ПНГ), 59 стр.; отпечатана в типографии ООО «Мультипринт», г. Москва, апрель 2005 г., 500 экз. Раздаю при встречах с учащимися в школах.

3. Статья «Не понаслышке знаю о войне», стр. 6 в журнале «Военные знания» (№ 5, май 2001 г.), под рубрикой «Память огненных лет»; издательство «Военные знания», Москва, тир. 8650 экз.

4. «Рассвет так и не наступил», «Я имею к войне отношение» (из книги «ПНГ»), под рубрикой «Кто забыл своё прошлое, у того нет будущего» – газета «Химкинские новости» №№ 51-52 (984-985), 14 мая 2003 г., тир. 38000 экз.

5. «Кукла Света» (из книги «ПНГ») - газета «Химкинские новости», приложение «Маленькая страна» №4 (28) под рубрикой «История России», 19 февраля 2003 г.

6. «Зачем уходят ветераны…», стихотворение, газ. «Химкинские новости» № 1398, под рубрикой «Поклонимся великим тем годам», 16 ноября 2005 г.

7. «Кукла Светлана», «Южный городок» (из книги «ПНГ»), очерк «Боевая группа», «Из послесловия», под рубрикой «Память» в газете «Юный спасатель», №12 (54), орган Белорусской молодёжной общественной организации спасателей-пожарных, г. Минск, 27 июня 2006 г., 90000 экз. Подборка подготовлена Светланой Дацук, спецкором «ЮС» по Брестской области.

7. Стихи «Не понаслышке знаю о войне», «Зачем уходят ветераны…», «Девочке Беслана», «Памяць сэрца» (на белорусском языке), «Вместо школьного урока – война» стр.112-119 в литературном сборнике «Поклонимся великим тем годам…», выпущенном к 60-ти летию Победы литобъединением «Химки» совместно с Администрацией Химкинского района в апреле 2005 г., 1000 экз.

8. «Говорит Москва!» (проза), «Я имею к войне отношение» (стихотворение) - из книги «ПНГ», «Бриллиантами сверкает небо…», стр.218-220 в юбилейном литературном сборнике «Полвека с Химками», посвящённом 50-летию литобъединения «Химки», Москва, сентябрь 2005 г., 500 экз.

9. «Я только помогала маме…», «Забыть свою фамилию», « А в крепости ещё стреляли» из книги «ПНГ», стр.132-140 в альманахе «Московский Парнас» №6 (22) под рубрикой «Современные мемуары»; Москва, июль 2006 г.

10. «Вечный огонь», «Не отпускает от себя война…», «Бессмертье», «Девочке Беслана» - стихотворения, стр.73-75 в

сборнике «Литературные Химки», Москва, август 2007г., изданном Министерством культуры Московской области совместно с Московской областной организацией Союза писателей России.

11. «Вечный огонь», стр.124 сборника «Золотая строка Подмосковья», 2007 г., изданного Министерством культуры Московской области совместно с Московской областной организацией Союза писателей России по результатам конкурса «Литературное Подмосковье – 2007», в котором участвовали свыше тысячи профессиональных и самодеятельных поэтов Подмосковья.

Мои намерения и планы состоят в том, чтобы рассказать об оккупации так, чтобы все, кто прочитает мою книгу, не сомневался больше в том, что подпольщики внесли свой вклад в победу над врагом, проявив высокое чувство патриотизма, оставаясь советскими людьми на занятой фашистами территории. И, чтобы, поздравляя с Днём Победы и перечисляя тех, кто завоевал её, все, в том числе и Президент, не забывали и о подпольщиках.

После выпуска книги «Подполье непокорённого города» я постоянно вижу большой интерес к ней, к событиям, о которых рассказывается, получаю устно и письменно много восторженных отзывов и пожеланий приобрести её. Узнав, что книга выпущена таким маленьким тиражом, просят переиздать её. Но средств для этого у меня уже больше нет. Обращалась в издательство «Детская литература», где в 1964 г. вышла книга С. С. Смирнова «Брестская крепость», в которой есть глава «Подпольщики», написанная на основе встреч и бесед с живыми ещё в то время подпольщиками Бреста. В книге есть упоминание и о моём участии в их работе. Меня очень внимательно выслушали, выразили своё понимание в необходимости таких произведений, но, сказали, что выпуск книги с такой тематикой принесёт им только убытки, такая литература у них не пользуется спросом, даже школы не заказывают и не берут. «Сейчас, к сожалению, спрос на Донцову, Маринину и подобных», - подытожила зам. редактора, и напрасно я её убеждала, что мне не нужен гонорар, что я постараюсь найти кое-какие средства. Главное для меня, чтобы о Брестском подполье, организаторами и основным ядром которого были сыны и дочери России, узнали

люди в разных уголках моей страны, это ведь ещё неизвестная страничка Истории Великой Отечественной войны, это Правда, которую нельзя выдумать, но которую надо знать.

Не оставляю надежды издать книгу тиражом более пятисот экземпляров. Сейчас работаю над тем, что не вошло в книгу, использую материалы, появившиеся у меня уже после её выхода. Собираю материал о детях, переживших оккупацию не только в Бресте. Очень хочется, чтобы их глазами сегодняшнее поколение увидело ужасы той войны, и не только увидело, но и поняло, что такое оккупация - это было бы хорошим дополнением или продолжением моей книги

Ещё работаю над темой «Матери уходили в бессмертье вместе с детьми».

После одной из встреч в школе ко мне подошла корреспондент газеты и сказала: «Я впервые после Вашего рассказа задумалась о том, что ведь кроме фронта, партизан, нашего тыла, был ещё глубокий фашистский тыл, где жили наши люди. Как же вы жили, как выжили?». И не одна она такая.

В 2005 году я ездила в Брест в «Эшелоне Победы». В эшелоне я была единственной, кто представлял подполье. В основном, были фронтовики. Некоторые даже недоумевали, с какой стати я оказалась в эшелоне, среди них. Но как изменилось отношение после того, когда некоторые из них услышали мои рассказы, почитали бегло книгу! «Да нам на фронте было, наверно, даже легче, чем вам там, в. этом аду», - сказала мне соседка по купе. Трудно было всем, и трудности могли быть разными. Но цель была у всех одна – победить врага, выгнать его с нашей земли, потому и победили.

«Ваши рассказы – живая история. Нам нужно это, я хочу это знать, - пишет мне ученица 11-го класса Брестского областного лицея Катя Сахарчук. - Спасибо Вам за то, чего не написано в книгах, чего узнать сейчас сложно, как бы я не интересовалась. Знаете, мы уже все как-то привыкли к празднику День Победы, но очень мало среди молодёжи тех, кто по-настоящему задумывается, в честь чего этот салют, праздник, какой ценой всё это досталось. Безусловно, все знают, что вот, мол, война была, но о сути того, что было на самом деле, не задумываются, как это не печально. Мне очень понравились Ваши рассказы о настоящей, о нашей большой

трагедии - о войне. Мне было грустно, страшно, я будто окунулась в ваше время, я ощущала себя с вами рядом. Я плакала…» После окончания школы она собирается стать журналистом. До встречи со мной, с моей книгой - она ничего не знала о Брестском подполье. А теперь считает это для себя «грандиозной темой», ей захотелось больше узнать о подполье и даже написать книгу.

Публикации обо мне были, в основном, в газетах. Назову только некоторые из них:

1. С.С. Смирнов «Брестская крепость», историко-публицистическая проза, издательство «Детская литература», Москва, 1964 г.,406 стр. (обо мне упоминается в главе «Подпольщики», стр. 312). Это была первая и последняя публикация в центральной печати о Брестском подполье. Книга была переиздана в 1965 г в издательстве «Молодая гвардия», Москва (обо мне – стр.374) и в 2000 г. в издательстве «Раритет», Москва (обо мне – стр. 313).

2. А.А Гребёнкина, «Брест непокорённый», исторический очерк (рубрика «Научное издание»), издательство «Беларуская энцыклапедыя» имени Петруся Бровки, Министерства информации республики Беларусь, г. Минск, 2005 г., 311 стр. (обо мне – стр.195-196). А.А.Гребёнкина – доцент, кандидат исторических наук, над книгой работала 20 лет, широко использовала воспоминания подпольщиков, архивные материалы.

3. Члены краеведческого кружка Брестского Дома пионеров, «Юные герои Бреста», под рубрикой «Великая Отечественная», газета «Зорька», орган ЦК ЛКСМБ и Республиканского совета пионерской организации им. В.И.Ленина, №24 (1121), 18 июня 1966 г., стр.2 (Минск).

4. Я. Юферова, Москва, «Сирень для крепости», «Российская газета», приложение «Союз Беларусь – Россия», №17 (213), 5 мая 2005 года, под рубрикой «Кто, как и зачем помнит сегодня войну», стр. 1 и 3 (Москва).

5. Эта же статья напечатана в газете «Советская Белоруссия» под рубрикой «Как и зачем нужно помнит войну», №84 (22241), 5 мая 2005 года, стр.7-8.

6. Ю.Шапран, Брест, «Девочка из 41-го», газета «Брестский курьер» №10 (784), 8 марта 2006 г., стр. 32, (Минск).

7. С. Дацук, «Детство, опалённое войной», газета «Юный спасатель», под рубрикой «Память», 27 июня 2006 г, №12 (54), стр. 6 (Минск).

8. Н. Лабецкая, «Не понаслышке знаю о войне», под рубрикой «Приближая победу», газета «Химкинские новости», Химки, Московская область, №49-50 (1286-1287), 2 апреля 2005 года, стр. 5.

9. М. Калиберова, Брест, «Наш путь был труден и опасен», газета «Заря», 13 апреля 1996 года, стр.2.

10. А.А Гребёнкина, «Брестское городское партийно-комсомольское подполье в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941-июль 1944)», под рубрикой «Пишется книга «Память», газета «Заря», Брест, №82 (12032), 22 июля 1997 года, стр.2.

11. Е. Литвинович, «Памяти Брестского подполья», под рубрикой «Событие», газета «Заря», Брест, 30 сентября 2006 года, стр.2.

12. Е. Тихоненкова, «Жизнь, отданная людям» (о маме), газета «Уренские вести», г. Урень, Нижегородской области, №100 (10729), 29 августа 2000 г.

13. Т.Смирнова, «Подполье непобеждённого города», газета «За коммунизм», г.Урень, Горьковской области, №№ 104-107 (обо мне в №107), сентябрь 1967 года.

14. В. Кокошкина, «Поклонитесь, внуки, дедам!», газета «Химкинские новости», г. Химки, № 187-188 (1610-1611), 6 декабря 2006 года, стр.3.

15. М. Алексеева, «Преданы земле через 60 лет» под рубрикой «Память», газета «Брестский вестник», №9, 3 мая 2005 года, стр. 3.

16. Н. Лабецкая, «Литературно-музыкальная гостиная», под рубрикой «Приближая победу», газета «Химкинские новости», г. Химки, №57-58 (1294-1295), 16 апреля 2005 года, стр. 11.

17. Е.Макаревич, «Брестское подполье», телеочерк Брестское телевидение, 2005 г., 40 мин.

18. В. Красноярский, «С Днём Победы!», 7 мая 2005 г., Химкинское телевидение, моё выступление 5 мин.

Не отпускает от себя война,
Она, наверно, навсегда во мне.
Давно пришла победная весна,
А я все вспоминаю о войне…

Первый салют Победы!

Мои воспоминания о войне всегда начинаются с первого Победного салюта, который прозвучал для меня утром 9 мая 1945 года в Бресте, в городе, где я услышала первые залпы войны.

Каждый день мы ждали, что вот-вот кончится война. Ждали.… И всё равно весть о Победе прозвучала, как взрыв бомб! Это выплеснулись наружу чувства людей, накопившиеся за годы ожидания, за 1418 дней и ночей веры в то, что он обязательно придёт, этот День Победы. Радость, слёзы, смех, крики и… стрельба! Да, да! Стрельба, которая началась, как по команде, лишь только по радио прозвучало слово «Победа!». Стреляли все, у кого было оружие. А оно было у многих, даже у гражданских, у бывших подпольщиков и партизан. Стреляли, конечно, в воздух. И это были первые за всю войну выстрелы, которые меня не пугали, которых никто не боялся, от которых не прятались. Наоборот, при каждом выстреле, прозвучавшем рядом, слышались не крики ужаса, а перекрывавшие свист пуль возгласы ликования. И я кричала изо всех сил: «Победа! Победа!» Кричала и радовалась разнокалиберному, из нескольких сотен, а может быть и тысяч залпов Первому Победному Салюту!

В жизни больше не довелось мне видеть такое большое количество людей, выплеснувших на улицу свою радость и старавшихся поделиться ею друг с другом. Да! Радость была общей, одна на всех - ведь это была Победа!

И так хочется сделать всё, чтобы в родословной наших детей, внуков и правнуков и всех последующих поколений нашлось достойное место победившим в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.

Это в честь них, победителей, каждый год гремит Салют Победы. Он становится всё краше, рассыпаясь в небе миллионами звёздочек и каждая из них принадлежит победителям. И тем, кто ушёл из жизни в годы борьбы с коварным врагом или уже потом, в послевоенные годы, и тем,

кто сегодня живёт среди нас. И пусть этот салют не меркнет с годами. Как не меркнет и Память о том, какой ценой досталась эта Победа. Потому что…сначала была война, страшная, чудовищная, беспощадная, война всенародная и священная.

Рассвет так и не наступил…

22 июня 1941 года в 4 часа утра нас разбудили страшные раскаты грома. Подумав, что это гроза, мама выключила радио. Но, увидев в окно огромное сплошное полыхающее зарево над крепостью, поняла, что началась война. Папа сразу побежал на телеграф, на ходу включил радио и крикнул: «Ждите сообщений». И хоть было ещё так рано, все были уверены, что о войне сообщат сразу же, что вот-вот пойдут наши танки, прилетят наши самолёты. Но из репродуктора раздавался только треск. А по шоссе Варшава-Москва на мотоциклах мчались какие-то страшные чудовища, которые, не целясь стреляли из автоматов во все стороны. В небе ревели немецкие самолёты...

Побежали в бомбоубежище. У ворот я увидела первого человека, убитого врагом. В окровавленном нижнем белье не тротуаре лежал молоденький солдат, а рядом - ящик с патронами и две винтовки. И я поняла, что война уже в нашем городе. За 65 лет этот эпизод первого дня войны так и не стёрся из моей памяти. Этот солдат не убегал от врага, а бежал, чтобы воевать с ним, бежал, сам того не зная, в бессмертие. И в те первые часы войны все находящиеся в подвале говорили о нём как о герое.

Вдруг кто-то крикнул: «Немцы!». Уже был слышен их лающий говор. Мгновенно детей посадили на ящик с патронами и винтовками, которые мужчины перенесли от убитого солдата. Все замерли, устремив взгляд на дверь. Первым в подвал ворвался луч фонарика и стал шарить по лицам присутствовавших. «Юда! Юда!» - кричали немцы. Искали евреев. Не обнаружив их, ушли. Потом ещё не раз этот луч немецкого фонарика вызывал у меня страх.

Не помню, когда и как мы оказались опять в нашей квартире, из которой нас тут же выгнал приехавший из Польши хозяин нашего трёхэтажного дома. Вышли, в чём стояли, только куклу я прихватила. Но у ворот – немцы! Не выпускают никого. Нам приказали встать лицом к стене, у

которой уже стояли папа и кто-то из мужчин. Через 1-2 минуты рядом со мной стоял 10-летний Эдик Крашенинников со своей мамой, потом моя мама, её 19-летняя сестра Маруся и ещё человек пять. Немцы, направив на нас автоматы, долго кричали, казалось, о чём-то спорили, а потом вдруг по одному цепочкой стали выпускать из двора. Видно, решили нас не расстреливать, а отвести в жандармерию. Они до такой степени были уверены в своей силе, в страхе русских перед ними, что повели нас без всякой охраны. Только впереди, даже не оглядываясь, шёл немец, а рядом с ним шла какая-то женщина и непрерывно кричала: «Я тутэйшая!» Этим воспользовались взрослые, и нам удалось бежать. Поколесив по дворам и не веря, что удалось спастись, мы пришли на ул. Маяковского, д. 20. в домик с закрытыми ставнями, где жил находившийся среди нас связист Владимир Иванов.

Казалось, этот страшный день подходил к концу. Я даже не могу вспомнить, каким он был этот первый день войны, светило ли солнце. Мне до сих пор кажется, что рассвет так и не наступил. А ведь кончался уже не первый, а второй день войны…

В городе линии фронта не было. Но с первых минут войны героическое сопротивление врагу оказали собравшиеся в здании облвоенкомата солдаты и командиры, гражданские лица, явившиеся в военкомат, не дожидаясь призыва. Бой шёл до позднего вечера.

Почти 2 недели шла героическая оборона Брестского вокзала, в которой участвовали вместе с военными железнодорожники и даже те, кто в последние предвоенные минуты были ещё просто пассажирами.

Фронт с каждым днём всё отдалялся. Папа ушёл из города, в надежде перейти линию фронта и влиться в ряды Красной Армии. А я с мамой, бабушкой и 19-летней маминой сестрой осталась во вражеском тылу. Мы даже подумать не могли, что в оккупированном фашистами Бресте нам придётся прожить 2,5 года.

Я только помогала маме

Уже через несколько дней после начала войны мама стала ходить по своим знакомым. Часто, для отвода глаз, брала меня с собой. Мы приходили к женщинам, которые до войны

работали с ней. Они знали меня, а я их, т.к. до войны часто прямо из детского сада приходила к маме на работу в горком партии. Потому уже к началу создания подпольной партийной организации я знала несколько адресов, по которым потом пришлось ходить, выполняя «мамины задания». Это были явочные квартиры подпольщиков. Некоторые явки узнала позже.

Я и сейчас помню, кто, где жил: ведь ходила не раз и не только с мамой, но и одна. Мама отсылала меня отнести небольшие свёрточки, говорила, что в них были хлеб, крупа, картошка. Конечно, у нас у самих не было ничего, но люди тогда делились друг с другом последним, и такое объяснение не вызывало у меня вопросов. Позже я узнала, что было в этих свёрточках. Листовки и газеты, которые мама приносила из партизанского отряда, куда они, наконец-то, в сентябре 1943 г. стали приходить с Большой земли, я носила на ул. Белостокскую к Нине Комоловой и Надежде Васильевне Дедуновой (это моя воспитательница из довоенного детского сада) на ул. Гоголя к Яде Косинской.

Чаще всего с мамой ходила к Розе Радкевич. Каждый раз мама посылала меня первой. Если всё было спокойно, я выходила на балкон и, как мы договаривались с мамой, хлопала в ладоши или кружилась. А если был кто-то чужой, меня провожали погулять, и я бежала скорее к маме, чтобы предупредить её. До сих пор на ул. Будённого стоит этот домик. А с сентября 2006 г. на нём установлена мемориальная доска в память о том, что 15 августа 1941 г. здесь проходило первое организационное заседание Брестского подпольного ГК КП(б)Б, который до последних дней оккупации руководил комсомольско-молодёжными, антифашистскими подпольными группами.

Такую же «вахту» я несла на крыше, в окне нашего дома (жили мы в чердачном помещении), когда подпольщики собирались у нас. Бывало, засидятся женщины долго. На столе карты, на всякий случай, т.к. собираться по несколько человек не только на улице, но и в квартирах было запрещено. Иногда одна диктует, а все сидят и пишут. Знаю, готовят листовки. Моё дело было за улицей смотреть, чтобы посторонние люди во двор не вошли. Потом сидела до тех пор, пока все не

разойдутся. А иногда, чтобы меньше бросалось в глаза, некоторых женщин выводила задними дворами.

Как в школу, ходила я к Елизавете Ивановне Усановой, которая стала моей первой учительницей. Часто сидела с её годовалой Наташкой, а мать в это время уходила выполнять задания подпольщиков или бегала просто своровать немного угля, чтобы согреть родившуюся за две недели до войны дочурку.

Не один раз мама посылала меня в бондарную мастерскую на ул. Московской, где работал Пётр Георгиевич Жуликов – организатор и первый секретарь подпольного ГК партии. Носила ему записки, понятные только им двоим, иногда что-либо передавала устно. Предлогом для меня были «колодки» (так называли босоножки на деревянной подошве), которые Пётр Георгиевич что-то уж очень долго делал. А я всё ходила и ходила - на примерку. Когда «колодки» всё же были готовы, понесла ему в бондарную мастерскую переделывать для меня мамины туфли.

По заданию мамы в приютах я разыскивала детей арестованных подпольщиков Жуликовых и Гориных. Во время ареста родителей детей не было дома, потому они могли оказаться в приюте. Сначала мама проводила меня до приюта на ул. Мицкевича, дала мне небольшой пакетик для передачи и рассказала, что я должна спросить. Дети Жуликова оказались в этом приюте. А вот детей Гориных не было. В поисках их пришлось не один раз сходить к приюту на ул. Пушкинской. В этот приют мне удалось проникнуть только под видом польской девочки по пригласительному билету на рождественскую ёлку, который достали подпольщики. И мне удалось увидеть там детей Гориных – Валерика (5 лет) и Гену (7 лет). Выкупить их подпольщикам не удалось, и дети были вывезены в Польшу. После войны, когда воспитанники детдома вернулись в Брест, Гены и Валерика среди них не оказалось. Мама не оставляла надежды найти их. Теперь детей Гориных ищу я. Пока все мои попытки остаются без ответа. А детей Жуликова взяли из приюта подпольщики, после освобождения Бреста разыскали их дедушку и бабушку и в конце 1944 года передали детей их родным.

Кукла Светлана

На задания я часто ходила со своей куклой Светланой. Один раз она, в прямом смысле слова, спасла мне жизнь. А может быть и не только мне. Вместе мы выполнили очень серьёзное задание. Маме надо было срочно передать подпольщице Яде Коссинской собранные для партизан бельё, два пистолета, бинокль, компас, копировальную бумагу и махорку. Идти надо было с ул. Госпитальной до ул. Гоголя. Далековато. Никакими задними дворами не пройдёшь. Мама решила послать меня. Видно, другого выхода не было.

Уложили всё в корзинку, а сверху – куклу со всеми её «нарядами». Мама не скрывала, что «груз» опасный. Но только просила, чтобы я не привела «хвоста» к тёте Яде. «Зоечка, - напутствовала она меня, - тебя могут забрать, будут давать конфеты, запугивать и даже бить. Только не говори, куда шла, не показывай домов, куда мы до этого ходили. И не называй нашу настоящую фамилию». А я думала: «Зачем мама всё это мне говорит? Я всё понимаю. Ведь мне уже 9 лет! А конфеты… о них я уже давно забыла, хотя помню, что они сладкие…». (Недавно после моего выступления в школе ко мне подошёл маленький мальчик и протянул …коробку конфет и что-то сказал. Поняла я только слово «поешьте» и переспросила его. «Вы сказали, что во время войны даже забыли о конфетах. Поешьте их сейчас», - услышала я и уже не могла сдержать слёз.)

По пути я заметила, что по другой стороне идёт поляк (форма одежды у него была такая же, как и выгнавшего нас из квартиры хозяина). Я остановлюсь, поиграю « в классики», и он останавливается: продолжаю идти, и он тоже. Когда подходила уже к своему бывшему детсаду, решила зайти во двор и понаблюдать за ним в щелку. Показалось, что он ушёл. Я вышла и пошла дальше. Но не успела пройти несколько шагов, как он догнал меня. Тыча рукой на корзину, стал кричать по-польски: «Цо ту ест? Дзе идзеш?» («Что тут? Куда идёшь?») Видно, несоразмерной со мной показалась ему корзинка. Я ответила по-польски, что иду к подружке играть в куклы и…разревелась. Видно, испугалась всё же, не зная, что делать: ведь до тёти Яди оставалось идти всего два квартала! Рядом было немецкое общежитие, от которого в нашу сторону

шёл немец. Поляк что-то сказал ему. Тот подошёл ко мне и о чём-то спросил, показывая на корзинку, «Кукла, кукла», - лопотала я. И вдруг меня осенило: он не понимает. Я сдёрнула тряпку и вытащила куклу. «Лялька, кукла», - торопливо говорила я и протянула ему мою Светлану. Мне даже показалось, что он улыбнулся. «Гут! Гут! Шнель!», - я поняла, что он сказал. Не верилось, но они уходили.

Не спеша, положила куклу в корзинку, накрыла и так же, не спеша, пошла дальше. Сразу к тёте Яде не пошла. И домой тоже пошла не сразу.

Я была готова к тому, что меня будут ругать за такую долгую «прогулку». Но мама только спросила: «Передала?» «Да», - односложно ответила я. Рассказала маме только через 3 дня, когда поняла, что всё спокойно. Как же мы плакали, прижавшись друг к другу! А Светлана была рядом с нами… и не понимала, что это она спасла всех нас, помогла выполнить задание (наконец, я ощутила не страх, а чувство гордости за то, что сделала).

Таня, Галя, Зоя - три имени в моём сознании с детства

О Тане я узнала осенью 1943 года, когда стали приходить газеты с Большой земли. Многие из них вышли уже давно, но для людей в оккупированном Бресте были, как воздух, как чистая родниковая вода, которую можно и хотелось пить! Мама приносила газеты из партизанского отряда и часто поручала мне отнести их подпольщикам. Помню, в руки мне попала газета «Правда», развернув которую, я увидела фотографию.… До сих пор стоит перед глазами откинутая назад безжизненная голова девушки с верёвкой на шее. «Таня» - так называлась статья.

А всего лишь через несколько месяцев, в декабре 1943 года узнала о Гале. Мы с бабушкой в этот раз носили передачу семье подпольщика Горина Василия Ивановича. Шли в тюрьму, не зная, живы ли они ещё. Немцы что-то кричат, подталкивая нас к зданию тюрьмы. Смотреть по сторонам и разговаривать запрещено. Но я тайком оглядываюсь. И вдруг в глубине двора вижу виселицу, а на ней труп девушки. Она почти голая, а на груди дощечка с какой-то надписью. «Кто это?», - не успела я подумать, как бабушка сильно потянула

меня за руку, и мы очутились в здании. Нас вталкивают в какое-то холодное мрачное помещение, и двери за нами с лязгом захлопываются. Там, кроме нас, было много людей. Сквозь решётчатое окно называем фамилии тех, к кому пришли. Теперь надо ждать. Если возьмут передачу, то Горины живы. Время тянется страшно медленно. «Ты видела?», - не вытерпев, спрашиваю бабушку. Она кивает головой. «Кто это?», - не унимаюсь я. «Молчи», - шёпотом останавливает меня бабушка.

Уже у многих взяли передачи, а у нас всё ещё нет. «Проверяют. Могут и совсем не выпустить», - почти одними губами говорит мне бабушка. «Если нас выпустят, то надо успеть прочитать, что написано на дощечке – думаю я, - чтобы рассказать маме, может она знает её». Вдруг слышу: «Кто к Гориным? Их здесь нет». Я тут же подумала: «Расстреляли. Теперь нас точно не выпустят». Потом бабушка сказала, что думала о том же. Выпустили всех через 4 часа. До тюремных ворот близко, а надо успеть прочитать имя девушки. Но на дощечке лишь одно слово: «Партизанка». А немцы, проходя мимо, ударяли по безжизненному телу своими дубинками. Девушка раскачивалась, и мне показалось, что верёвка вот-вот оборвётся. Бабушка молчит и крепко сжимает мне руку. Боялась, видно, что я не выдержу. И только уже, когда мы вышли, дошли до церкви, не поворачиваясь ко мне, тихо сказала: «Это комсомолка-подпольщица Галя Аржанова».

Я больше ничего не знала о Гале, но сразу же назвала её нашей Таней. Потом, когда мама мне немного рассказала об её смелости и мужестве, поняла, что не ошиблась. Эти обе девушки-комсомолки совершили подвиг во имя Родины и, выдержав все пытки, никого не выдав, гордо пошли на виселицу, сделав свой последний шаг…в бессмертие.

Таня перед войной окончила среднюю школу в Москве, а Галя – 20-ю Московскую фармацевтическую школу и была направлена на работу в Брест.. А погибли – одна под Москвой в конце 1941 года, где ценой неимоверных усилий, наконец-то, был остановлен враг, а другая – в конце 1943 года в оккупированном Бресте, «где первый шаг свой сделала война».

После войны я узнала, что настоящее имя Тани – Зоя Космодемьянская. С тех пор оба эти имени слились для меня в одном.

О Гале Аржановой я подробнее узнала после войны… Она родилась 15 августа 1922 г. в г. Волоколамске Московской области. В Брест приехала в 1940 году и там стала работать в одной из аптек города. 20-25 июня 1941 г. Галя должна была уехать в отпуск к своим родным, но началась война……

В Бресте у Гали не было не только родных, но даже и знакомых-то мало. А в трудных условиях внезапно начавшейся войны она быстро нашла себе друзей среди подпольщиков. Сначала ей давали разные поручения: распространить листовки, сводки Совинформбюро, собирать оружие, боеприпасы. И каждое задание она выполняла добросовестно, с большой ответственностью.

Когда партизаны стали просить не просто медикаментов, а и лекарств, у подпольщиков возникла острая необходимость иметь в аптеке своего человека. Но посылать надо было того, кто бы разбирался в лекарствах, знал их назначение. Выбор пал на Галю. Секретарь подпольного ГК партии Жуликов П.Г. советовал ей подумать, не торопиться с ответом. Но Галя с твердой уверенностью в голосе сказала: «Я готова выполнить задание. Моя жизнь принадлежит Родине».

Одновременно Галя входила в группу разведки, которой руководил В.Я. Мельников. Работала вместе с патриотами театра Н. Францевым, Д. Красовским, Александром Иваненко. Николай Францев возглавлял не только балетную группу театра, но и подпольную комсомольскую группу театра. Это был талантливый, красивый молодой человек, смелый, решительный, мужественный подпольщик. Соседям и окружающим Галя и Николай представлялись как влюблённая пара, что позволяло им, не вызывая лишних подозрений, использовать свои встречи для проведения активной подпольной работы.

Подпольщики очень ценили Галю и во избежание провала старались, чтобы Галя ничего из аптеки сама не выносила. В установленные дни, по определенному паролю, к ней приходили подпольщицы, брали подготовленные пакетики и несли их на явочную квартиру, откуда через партизанских связных лекарства переправляли в партизанские отряды. Более чем за 2 года по этой «цепочке» в партизанские отряды им. Чернака, Фрунзе, Ворошилова было передано медикаментов на 40 тыс. рублей.

Но в самый разгар своей деятельности по доносу предателя в октябре 1943 г. Галя была арестована. В тюрьме и гестапо ее пытали и допрашивали. Не раз проводили очную ставку с подсаженной в тюрьму предательницей Гертрудой Вагнер. Эта «заключенная» опознала многих арестованных подпольщиков. И Галю она «отрекомендовала» как подпольщицу, связную партизанского отряда, собирающуюся тоже уйти в партизаны.

Сведения о Гале подпольщикам передавала цыганка Люба, которую из тюрьмы вместе с другими женщинами-заключенными водили в город на дезинфекцию мест общего пользования.

Галя передала 4 записки подпольщикам. В одной из них она писала: «Допрос ведет высокий гестаповец. Требует признаний, как связалась с партизанами. Не бойтесь, умру, но никого не выдам. Тайну унесу в могилу. Прощай, Родина! Прощайте, советские люди! Мстите за нас фашистам!»

Во второй записке сообщала об очной ставке с женщиной и о том, что продолжают пытать…терялась в догадках, кто их предал…

Записка, которую она писала своей знакомой Сименковой Е.Т., была криком души: «Сжалься надо мной, моя родная, пришли отравы, семь граммов стрихнина.. Судьба моя решена. Мучительна не смерть, а пытки! Больше не могу терпеть. Пожалейте меня! Прощайте! Галя». Все попытки подпольщиков выкупить Галю были тщетны. Фашисты с жадностью забирали деньги, сало, мед, обещая ее выпустить…

Галина Аржанова выдержала 26 зверских пыток, но ни слова не сказала фашистам, не выдала своих товарищей.

Так героически погибла молодая подпольщица, родившаяся в Подмосковье, Галина Александровна Аржанова. В 1968 г. она посмертно награждена орденом Отечественной войны 1-й степени.

Белорусский город Брест вот уже более 60-ти лет свято хранит памаять о славной дочери России. Ее имя увековечено в книге «Память» г. Бреста, на аллее «Их именами названы улицы Бреста», ведущей прямо в крепость. Улица и переулок Гали Аржановой находятся в северной части города. В центре города на здании аптеки, где в годы оккупации работала Галя, установлена мемориальная доска. В экспозиции Брестского

областного краеведческого музея, в нескольких школьных музеях города, в мемориале «Брестская крепость», имеются материалы о Гале.

Несколько поколений жителей Бреста знают о Гале как о героине и с гордостью произносят ее имя

Уверена, что давно настало время, чтобы о подвиге Гали Аржановой узнало, наконец-то, ее родное Подмосковье, узнала Москва, посланницей которой она уехала в Брест, узнала и по достоинству оценила героический подвиг своей славной дочери Россия, чтобы все россияне гордились ею и вечно хранили о ней Память.

Я так хочу, чтоб Память была вечной,
О тех, кто жив, о тех, кого уж нет,
Кто в той войне, такой бесчеловечной,
Свой героический оставил след…

Октябрь 2007 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Полушина Анна Игоревна****, студентка 1-го курса 9-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*